

Guénon René. L'erreur spirite. Paris, 1923. Пер. с французского Андрея

Игнатьева

Часть первая

Глава V

Спиритизм и оккультизм

Оккультизм также представляет собой совсем недавнее явление, возможно, даже чуть более недавнее, чем спиритизм. Кажется, этот термин впервые использовал Альфонс-Луи Констан, более известный под псевдонимом Элифас Леви¹, и нам представляется вполне вероятным, что именно он его и придумал. Если само слово новое, то вещь, для обозначения которой оно служит, также являются новой: до сих пор существовали «тайные науки», впрочем, более или менее тайные, и также обладающие большим или меньшим значением; магия была одной из этих наук, а не их совокупностью, как утверждали некоторые современные люди², а также к их числу принадлежали алхимия, астрология и еще многие другие; но никогда не стремились объединить их в рамках единой доктрины, то, что, по сути, подразумевает обозначение «оккультизм». По правде говоря, эта так называемая доктрина сформирована из совершенно разрозненных элементов. Элифас Леви хотел составить её прежде всего из еврейской каббалы, герметизма³ и магии; эти элементы после него придадут оккультизму

¹ Леви Элифас (Elifas Levi), наст. имя Альфон Луи-Констан (Alphonse Louis Constant; 1810 - 1875) – французский оккультист. В молодости готовился к духовной карьере, затем увлекся утопическим социализмом, а в зрелом возрасте стал изучать работы Бёме, Сведенборга и Луи-Клода де Сен-Мартена и других мистиков. Автор нескольких крупных работ по оккультизму. В 1861 г. вступил в «Великий Восток Франции», но вскоре разочаровался в франкмасонстве. Оказал некоторое влияние на Е. П. Блаватскую. – *Прим. пер.*

² *Paris. Traité méthodique de Science occulte. P. 324.*

³ Герметизм - магико-оккультное учение течение эпохи эллинизма и поздней античности, изучавшее тексты с сокровенными знаниями,

достаточно отличный характер. Труды Элифаса Леви, хотя они и гораздо менее глубоки, чем стремятся выглядеть, оказали крайне широкое влияние: они служили источником вдохновения для глав самых различных школ, например, для г-жи Блаватской, основательницы Теософского общества, особенно в эпоху, когда она публиковала «Разоблаченную Изиду», а также для американского масонского писателя Альберта Пайка¹ и английских неорозенкрейцеров. Впрочем, теософисты достаточно охотно продолжили использовать термин «оккультизм» для обозначения своей собственной доктрины, которую в самом деле вполне можно рассматривать как особую разновидность оккультизма, так как нет никаких препятствий для того, чтобы сделать из этого обозначения общее название для многочисленных школ, каждая из которых обладает своей особой концепцией. Однако, дела не обстоят таким образом, как по обыкновению понимают. Элифас Леви умер в 1875 г., и в том же самом году было основано Теософское общество. Во Франции прошло тогда несколько лет, в течение которых почти не было более речи об оккультизме. Лишь приблизительно в 1887 г. д-р Жерар Анкосс, взявший псевдоним Папюс, снова взял это обозначение, стараясь собрать вокруг него всех людей, имевших сходные устремления, и именно после 1890 г., когда он отмежевался от Теософского общества, Анкосс намеревался некоторым образом установить монополию на термин «оккультизм» в пользу своей школы. Таково происхождение французского оккультизма; иногда утверждают, что этот оккультизм, в общем, является лишь «папюсизмом», и это во многих отношениях правда, так как добрая часть его теорий на самом деле является лишь продуктом индивидуального

приписываемые мифической личности — олицетворению древнеегипетского бога мудрости и знаний Тота, звавшегося у греков богом Гермесом, — мудрецу Гермесу Трисмегисту, от имени которого и произошло название течения. — *Прим. пер.*

¹ Пайк Альберт (Albert Pike; 1809 - 1891) – видный деятель американского масонства, реформатор Древнего и принятого Шотландского устава.

Участвовал в Гражданской войне в США на стороне Конфедерации. — *Прим. пер.*

фантазирования. Также они просто-напросто объясняются желанием противопоставить ложной «восточной традиции» теософистов не менее воображаемую «западную традицию». Нам не следует здесь ни описывать историю оккультизма, ни излагать набор его учений, но, прежде чем говорить о его связях со спиритизмом и о том, что их отличает, эти краткие пояснения были необходимы, дабы ни у кого не вызвало удивление то, что мы относим оккультизм к числу «неоспиритуалистических учений».

Как и теософисты, оккультисты в общем полны презрения к спиритам, и это понятно до определенной степени, так как у теософизма и оккультизма есть, по крайней мере, поверхностная видимость интеллектуальности, чего даже нет у спиритизма, и они могут быть адресованы чуть более развитым умам. Вот почему, заметим, Папюс, намекающий на факт, что Аллан Кардек являлся бывшим учителем начальной школы, называл спиритизм «примитивной философией»¹, и вот как он оценивал спиритические круги: «Найдя лишь горстку сторонников в научной среде, это учение довольствовало множеством приверженцев, которые ему поставили средний класс и особенно протонародье. «Группы изучения», одни «научнее» других, состоят из людей всегда очень честных, всегда очень искренних, бывших чиновников, мелких коммерсантов или служащих, чье научное и особенно философское образование оставляет желать лучшего. Учителя начальной школы для этих групп настоящие светочи»². Эта посредственность в самом деле очень бросается в глаза, но разве самого Папюса, столь живо критиковавшего отсутствие отбора среди приверженцев спиритизма, никогда нельзя было совершенно упрекнуть в этом касательно его собственной школы? Мы в достаточной мере ответим на этот вопрос, когда заметим, что он, прежде всего, играл роль «популяризатора». Эта позиция, очень отличная от позиции Элифаса Леви, совершенно

¹ Ibid. P. P. 324 et 909.

² Ibid. P. 331.

несовместима с его претензиями на эзотеризм, и налицо противоречие, которое нам не нужно объяснять. В любом случае, несомненно, что оккультизм, также как и теософизм, не имеет ничего общего с подлинным эзотеризмом, серьезным и глубоким. Надо не иметь никакого представления об этих вещах, чтобы позволить себя соблазнить тщетным миражом мнимой «инициатической науки», которая в действительности оказывается лишь совершенно поверхностной эрудицией, взятой из вторых или третьих рук. Указанное нами только что противоречие в спиритизме отсутствует, ведь спиритизм полностью отвергает любой эзотеризм, и его в высшей степени «демократический» характер совершенно согласуется с настоятельными потребностями пропаганды. Это более логично, чем позиция оккультистов, но критика с их стороны тем не менее сама по себе справедлива, и нам случится при возможности цитировать их.

Поскольку мы уже в другой работе приводили многочисленные выдержки¹, мы не очень будем возвращаться к критике, иногда очень яростной, которую спиритизму адресовали лидеры теософистского движения, некоторые из которых, однако, прошли через эту школу. Критика со стороны французских оккультистов в общем облекается в более умеренные выражения. В начале однако шли достаточно активные взаимные нападки сторон. Спириты особенно обижались, когда их называли «профанами» люди, среди которых оказывались некоторые из их бывших «братьев». Но затем можно было заметить тенденции к применению, прежде всего со стороны оккультистов, так как их «эклетизм» предрасполагал к скорее достойным сожаления уступкам. Первым шагом стало проведение в 1889 г. в Париже «Конгресса спиритов и спиритуалистов», где были представлены все эти школы. Естественно, это не привело к исчезновению раздоров и соперничества, но мало-помалу оккультисты дошли до того, что все большее место в рамках их бессвязного синкретизма стали занимать

¹ *Guénon R. Théosophisme: Histoire d'une Pseudo-Religion. P. 124 - 129.*

теории спиритов, что было, впрочем, достаточно напрасно, так как спириты никогда не соглашались на то, чтобы на них смотрели как на правоверных (vrais «croyants»). Однако имелись индивидуальные исключения: в то время как происходил тот сдвиг, оккультизм все более и более «популяризировался», и группы его приверженцев, намного более открытые, чем вначале, принимали людей, которые, вступая в них, вовсе не прекращали быть спиритами. Именно они представляли, возможно, элиту спиритизма, но элиту в весьма относительном значении, и уровень оккультистских кругов постоянно снижался. Может быть, мы как-нибудь опишем эту «эволюцию» наоборот. Мы уже говорили по поводу теософизма об этих людях, которые принадлежат одновременно к школам, чьи теории противоречат друг другу, и которых это почти не беспокоит, потому что они являются, прежде всего, сентиментальными натурами. Добавим, что во всех этих группах преобладают женщины, и что многих в оккультизме интересует лишь изучение «искусств, относящихся к гаданию», что дает подлинную оценку их интеллектуальным способностям.

Прежде чем идти дальше, мы дадим объяснение факту, на который мы указывали с самого начала: среди спиритов имеется множество одиночек и изолированных малых групп, в то время как оккультисты примыкают почти всегда к какой-либо организации, устойчивой и имеющей органы управления, но позволяющей тем, кто входит в неё, называть себя «посвященными» в нечто или давая им иллюзию быть таковыми. Дело в том, что у спиритов нет никакого посвящения, и они даже не хотят слушать какие-либо разговоры, близко или отдаленно напоминающие о нём, так как одной из главных черт их движения является открытость всем без различия и недопущение какого-либо типа иерархии. Вот почему некоторые из них противников избрали совершенно неверный путь, полагая, что можно говорить о «спиритическом посвящении», которого нет и в помине. Необходимо к тому же добавить, что с различных сторон много

злоупотребляли этим словом «посвящение». Окультисты, напротив, претендуют ссылаться на традицию, неверно, правда, но все-таки они это делают. Именно поэтому они полагают, что им необходима соответствующая организация, посредством которой может непрерывно вестись распространение учения. И если оккультист выходит из одной такой организации, то это обыкновенно ради того, чтобы основать другую рядом и стать в свою очередь «главою школы». По правде говоря, оккультисты заблуждаются, когда они полагают, что передача традиционных знаний должна производиться посредством организации, принимающей форму «общества» в четко определенном смысле, в котором это слово обычно воспринимается современными людьми. Их группы представляют собой лишь карикатуру на по-настоящему инициатические школы. Чтобы показать несерьезность так называемого посвящения оккультистов, достаточно, не вдаваясь в другие рассуждения, упомянуть обычную у них практику «посвящений по переписке». В этих условиях нетрудно стать «посвященным», и это только формальность, лишенная ценности и значения, но, по крайней мере, стремятся сохранять определенную видимость. По этому поводу, нам следует сказать еще, дабы наши намерения не были неверно поняты, что наш главный упрек оккультизму заключается именно в том, что он не является тем, за что себя выдает. И наша позиция в этом отношении весьма отлична от позиции большинства других его противников, она даже в некотором роде носит обратный характер. Университетские философы, например, обвиняют оккультизм в желании выйти за узкие рамки, которыми ограничены их собственные концепции, в то время как для нас скорее напрасно действительно не выходить за них, кроме некоторых особых моментов, где оккультизм лишь принимает прежние представления, не всегда их вполне понимая. Таким образом, для других оккультизм идет или хочет идти слишком далеко, для нас, напротив, он не идет достаточно далеко, и тем более, добровольно или нет, он обманывает своих приверженцев относительно природы и качества знаний, которые он

им предоставляет. Другие остаются по эту сторону, а мы встаем по другую, и отсюда проистекает это следствие: в глазах оккультистов университетские философы и официальные ученые являются простыми «профанами», точно также, как и спириты, и как раз мы с этим не спорим. Но в наших глазах оккультисты равным образом это лишь «профаны», и никто из людей, знающих, что представляют собой подлинные традиционные учения, не может думать иначе.

После этих слов мы можем вернуться к вопросу об отношениях оккультизма и спиритизма, и нам следует уточнить, что в последующем речь будет идти исключительно о папюсовом оккультизме, весьма отличном, как мы уже говорили, от оккультизма Элифаса Леви. Этот последний был решительным антиспиритом и, кроме того, он никогда не верил в реинкарнацию. Если иногда он делал вид, что считает сам себя перевоплощенным Рабле¹, то с его стороны это была простая шутка. У нас есть в этом отношении свидетельство кое-кого, кто его лично знал и кого, являющегося, к тому же, приверженцем реинкарнации, совершенно нельзя заподозрить в данном случае в предвзятости. Между тем, теория реинкарнации является одним из заимствований, которые оккультизм, также как и теософизм, сделал у спиритизма, поскольку такие заимствования имеются, и эти школы на самом деле подверглись влиянию спиритизма, который им предшествовал, несмотря на все неприятие, которое они демонстрируют в его отношении. Что касается реинкарнации, все очень ясно: мы уже показали в другом месте, как г-жа Блаватская взяла эту идею у французских спиритов и перенесла её в англосаксонские круги. С другой стороны, Папюс и некоторые из первых приверженцев его школы начали с того, что были теософистами, и почти все остальные пришли прямо из спиритизма, стало быть, нет необходимости вести дальнейшие поиски. Что

¹ Рабле Франсуа (François Rabelais; предположительно 1494, - 1553) - один из крупнейших французских писателей эпохи Ренессанса, наиболее известен как автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». – *Прим. пер.*

касается менее важных моментов, у нас уже был пример влияния спиритов в той принципиальной важности, которую оккультизм придает роли медиумов для производства определенных феноменов. Другой можно отыскать в представлениях об «астральном теле», где не обошлось без заимствований множества особенностей «перисприта», но с той разницей, однако, что дух, как предполагается, оставляет «астральное тело» спустя более или менее долгое время после смерти, точно таким же образом, как он оставил «физическое тело», в то время как «перисприт», как считается, сохраняется неограниченное время и сопровождает дух во всех его перевоплощениях. Еще один пример, это то, что оккультисты называют «состоянием тревоги», то есть состояние бессознательности, в которое дух оказывается, будто бы погружен непосредственно после смерти: «В течение первого времени этого отделения, - утверждает Папюс, - дух не отдает себе отчета в том состоянии, в котором он находится. Он в тревоге, он не верит, что он умер, и это только постепенно, часто через несколько дней и даже месяцев он осознает свое новое положение»¹. Здесь лишь изложение теории спиритов, но в другом месте Папюс вновь относит эту теорию на свой счет и уточняет, что «состояние тревоги тянется от начала агонии до освобождения духа и исчезновения коры»², то есть низших элементов «астрального тела». Спириты постоянно рассказывают о людях, несколько лет не знавших, что они мертвы, сохраняя все занятия их земного существования и воображая, что они выполняют еще привычные для них действия, и некоторые среди спиритов возлагают на себя даже причудливую миссию «просвещения духов» на эту тему. Эжен Нью³ и другие авторы рассказывали истории этого рода задолго до Папюса, так что источник, откуда этот последний почерпнул свою идею о «состоянии тревоги», никоим образом не является неясным. Следует упомянуть ещё то, что касается последствий,

¹ *Papus*. *Traité méthodique de Science occulte*. P. 327.

² *Papus*. *L'état de trouble et l'évolution posthume de l'être humain*. Paris: Chamuel, 1894. P. 17.

³ *Nus Eugène*. *À la recherche des destinées*. Paris: E. Flammarion, (1891)

приписываемых действиями, совершенными в серии сменяющих друг друга существований - теософисты называют это «кармой». Оккультисты и спириты соперничают в описании неправдоподобных подробностей этих вещей, и мы вернемся к этому, когда снова будем говорить о реинкарнации; в этом спириты могут претендовать на приоритет открытия. Продолжая это исследование, можно было бы обнаружить еще немало других моментов, где сходство можно объяснить лишь заимствованиями, сделанными у спиритизма, которому оккультизм обязан, таким образом, намного большим, чем он признает. Правда, всё то, чем он обязан, стоит не слишком много, но самое важное это увидеть, как и в какой мере оккультисты принимают основополагающую гипотезу спиритизма, то есть возможность общения с умершими.

В оккультизме можно отметить очень заметное стремление придать своим теориям видимость «научности», в том смысле, как ее понимают современные люди. Когда отвергают, и часто с полным правом, компетентность обычных ученых по определенным категориям вопросов, возможно, было бы более логично не стремиться подражать их методам и не казаться вдохновленными их духом, но, в конце концов, мы лишь констатируем факт. К тому же необходимо заметить, что врачи, за счет которых пополняются в очень большой части ряды «психистов», о которых мы поговорим впоследствии, также составили и значительный контингент приверженцев оккультизма, на который явно оказали влияние умственные привычки, связанные с их образованием и профессиональной практикой. Именно таким образом можно объяснить огромное место, занимаемое особенно в трудах Папюса теориями, которые мы можем называть «психофизиологическими». С тех пор доля опытных исследований равным образом станет значительной, и оккультисты, чтобы их позиция была «научной» или слыла таковой, главным образом сосредоточат свое внимание на феноменах, которые подлинными инициатическими школами всегда

рассматривали, напротив, как нечто совершенно не заслуживающее внимания. Добавим, что этого оказалось совершенно недостаточно, чтобы снискать оккультизму благосклонность или хотя бы симпатию со стороны официальных ученых. Впрочем, привлекательность феноменов не действовала на тех, кто был движим «научными» интересами. Были такие, кто использовал их с совершенно другими намерениями, но не с меньшим пылом, так как именно эта сторона оккультизма наряду с «искусством предсказания» интересовала почти исключительно большую часть его приверженцев, к которой необходимо естественно причислить всех тех, кто в меньшей или большей степени являлся спиритами. По мере того как этот последний элемент возрастал, все более и более ослабевала «научная» строгость, афишируемая вначале. Но, независимо от этого отклонения, экспериментальный и «феноменистский» характер оккультизма предрасположил его уже к тому, чтобы поддерживать со спиритизмом отношения, которые не всегда будучи милыми и любезными, тем не менее являлись компрометирующими. Мы возражаем здесь не против того, что оккультисты признали реальность феноменов, которую мы нисколько не оспариваем, и даже не против того, что они их специально изучали, и ниже мы вернемся к «психизму», но против того, что они придали этим исследованиям чрезмерную важность, учитывая притязания, выражаемые им на более интеллектуальном уровне и, прежде всего, то, что он полагал должным частичное признание объяснения, предлагаемого спиритами, стремясь только сократить число случаев, к которым оно будто бы применимо.

«Оккультизм, - утверждает Папюс, - признает совершенно реальными все спиритические феномены. Однако он значительно ограничивает влияние духов на производство этих феноменов и приписывает их множеству других влияний, действующих в невидимом мире»¹. Само собой разумеется, что

¹ *Papus. Traité méthodique de Science occulte. P. 347.*

спириты энергично возражают против этого ограничения, не меньше чем против утверждения, «что человеческое существо разделяется на несколько сущностей после смерти и что в контакт вступает не целое существо, но осколок существа, астральная скорлупа», и к тому же они добавляют, что вообще говоря «оккультная наука слишком трудна для понимания и слишком сложна для обычных читателей спиритических книг»¹, что точно не свидетельствует в пользу этих последних. С нашей стороны, с тех пор как в некоторой степени допускают «влияние духов» как причину происхождения феноменов, не очень-то заметен интерес к его ограничению, будь ли то, что касается множества случаев, в которых это влияние проявляется, будь ли то относительно категорий «духов», которые в действительности могут быть вызваны. Касательно этого последнего момента вот, что вдобавок утверждает Папюс: «Кажется бесспорным, что души умерших, которых при жизни любили, могут быть вызваны и могут являться в определенных условиях. Исходя из этого подлинного момента, экспериментаторы с буйным воображением не промедлили с утверждением, что души всех людей, умерших сейчас и в былые времена, способны подвергнуться действию мысленной эвокации»². Есть что-то по-настоящему необычное в этой манере делать нечто вроде исключения для «душ умерших, которых при жизни любили», как если бы сентиментальные соображения были способны подчинить себе законы природы! Или эвокация «душ умерших» в духе спиритов возможна или же нет. В первом случае весьма произвольным является утверждение об определении границ для этой возможности, и возможно, было бы нормальнее просто-напросто примкнуть к спиритизму. В любом случае, достаточно мало оснований в таких условиях ставить ему в упрек этот сентиментальный характер, которому он обязан, конечно, наибольшей долей своего успеха, и почти нет причин делать заявления этого рода: «Наука должна быть правдивой и чуждой сентиментальности, вот

¹ Ibid. P. 344.

² Ibid. P. 331.

почему неприемлем для нее этот аргумент, заключающийся в том, что возможность общения с умершими нельзя обсуждать, потому что оно составляет очень утешительную идею»¹. Это, впрочем, совершенно справедливо, но для того чтобы иметь право так сказать, необходимо самому быть чуждым всякой сентиментальности, чего нет в этом случае. В этом отношении между спиритизмом и оккультизмом в сущности есть только разница в степени, и в этом последнем сентиментальные и псевдомистические тенденции только лишь усиливаются в ходе этого стремительного упадка, на который мы уже указывали. Но с самого начала и не выходя за рамки темы об общении с умершими эти тенденции уже в очень достаточной мере проявлялись во фразах наподобие этой: «Когда заплаканная мать видит свою дочь, являющуюся к ней зримым образом, когда дочь, оставшаяся одна на земле, видит усопшего отца пришедшего к ней и обещающего ей свою поддержку, есть двадцать пять шансов из ста, что эти феномены производятся «духами», «я» умерших»². Причина, по которой этим случаям здесь отдается предпочтение, кажется, заключается в следующем: «чтобы дух, чтобы сама сущность вступала в контакт, нужно, чтобы между вызываемым и вызывающим существовали какие-либо флюидические отношения». Стало быть, следует полагать, что чувство следует рассматривать как нечто «флюидическое». Разве у нас нет основания говорить о «перенесенном материализме»? Впрочем, все эти истории о «флюидах» происходят от гипнотизеров и спиритов: еще и здесь, в своей терминологии, также как и в своих концепциях, оккультизм подвергся влиянию этих школ, которые его приверженцы пренебрежительно именуют «примитивными».

Представители оккультистов иногда отказывались от своей неприязненной позиции по отношению к спиритам, и авансы, которые они

¹ Ibid. P. 324.

² Ibid. P. 847.

им делали в некоторых обстоятельствах, не могут не напомнить немного речь, произнесенную г-жой Анни Безант перед Спиритуалистическим Альянсом Лондона в 1898 г., в которой она заявила, что два движения, «спиритуалистическое» и теософистское, имели общий источник происхождения. Оккультисты даже пошли дальше в этом отношении, поскольку им случалось утверждать, что их теории не только родственны теориям спиритов, что является бесспорным, но они им в сущности тождественны. Папюс сказал это своими словами в заключении доклада, представленного им на «Конгрессе спиритов и спиритуалистов» в 1889 г.: «Как легко заметить, теория спиритизма это то же самое, что и теория оккультизма, только она носит менее обстоятельный характер. Следовательно, учение спиритизма обладает большим значением, поскольку оно доступно для восприятия намного большего количества людей. Учение оккультизма даже в теоретической форме из-за той же своей сложности предназначено для умов, приученных ко всем трудностям восприятия абстрактных концепций. Но в сущности одна и та же доктрина питает эти две великие школы»¹. Налицо некоторое преувеличение, и возможно мы могли бы назвать эту позицию «политической», не приписывая все же оккультистам намерений, сравнимых с намерениями г-жи Безант. Впрочем, спириты остерегались и почти не отвечали на эти авансы, кажется, они скорее опасались, не хотят ли их принудить к попыткам слияния с другими движениями. Как бы там ни было, позволительно полагать, что «эклетицизм» французских оккультистов особенно обширен и совершенно несовместим с их претензией на обладание серьезной доктриной, опирающейся на достойную уважения традицию. Мы пойдем даже дальше и скажем, что всякая школа, имеющая что-либо общее со спиритизмом, теряет из-за этого всякое право представлять свои теории в качестве выражения подлинного эзотеризма.

¹ Ibid. P. 359-360.

Несмотря на все это, было бы самой большой ошибкой путать оккультизм и спиритизм. Если эту путаницу создают мало сведущие люди, в этом виновато, по правде говоря, не только их невежество, но отчасти, как мы только что видели, отсутствие осторожности у самих оккультистов. Однако, вообще говоря, между двумя движениями существует скорее нечто вроде антагонизма, проявляющегося более резко со стороны спиритов и более сдержанно со стороны оккультистов. К тому же, чтобы задеть убеждения и коснуться больных мест спиритов, было достаточно, что оккультисты подчеркивают некоторые из них сумасбродств, что не мешает им самим при случае совершать подобные вещи. Можно понять теперь, почему мы говорили, что дабы быть спиритом, недостаточно только признавать возможность общения с умершими в более или менее исключительных случаях. Кроме того, спириты не за что не хотят слышать разговоров о других элементах, которые оккультисты включают в производство феноменов и к теме которых мы вернемся, если не считать, что некоторые из них, чуть менее ограниченные и менее фанатичные, чем остальные, допускают, что иногда имеет место бессознательные действия медиума и присутствующих. Наконец, оккультизму присущ ряд теорий, не имеющих никаких соответствий в спиритизме. Каковой бы не была их реальная ценность, они свидетельствуют, по крайней мере, о том, что их интересы носят менее ограниченный характер, и в итоге оккультисты в некотором роде клеветали на самих себя, когда они с большей или меньшей долей искренности, принимали вид, что обсуждают эти две школы на равных основаниях. По правде говоря, для того чтобы превосходить спиритизм, любой доктрине нет нужды быть очень основательной или свидетельствовать об очень высоком интеллектуальном уровне.